

7. Shherba L. V. O chastjah rechi v russkom jazyke // Izbrannye raboty po russkomu jazyku. – М.: Uchpedgiz., 1957.
8. Sovremennyj russkij jazyk: Ucheb. dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po filol. napravleniem i special'nostjam / N. S. Valgina, D. Je. Rozental', M. I. Fomina; Pod red. N. S. Valginov. 6 izd. pererab i dop. – М.: Logos, 2001.
9. Stilistika sovremennogo russkogo jazyka i kul'tura rechi: ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. i fak. zhurnalistiki vysshih uchebnyh zavedenij / G. Ja. Solganik, T. S. Dronjaeva. – 4-e izd. ispr. – М.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2007.
10. Sovremennyj russkij jazyk. Chast' II. Sintaksis. Izdanie tret'e. Pod red. D. Je. Rozentalja. – М., 1979.
11. Russkij jazyk i kul'tura rechi. Pod red. prof. O. Ja. Gojhmana. – М.: Infra-M., 2008.

УДК 398.22 (=512.157) 398.22 (=512.156)

М. Т. Гоголева

ОЛОНХО И ТУВИНСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Рассматривается проблема выявления генетических связей олонхо с эпосами алтае-саянских народов. Поиск истоков эпического стиля в устнопоэтической традиции алтае-саянских народов представляется ключевым звеном в осмыслении проблемы генезиса якутского героического эпоса олонхо. Анализ текстов эпического наследия тюрко-монгольских эпосов в сравнительно-сопоставительном аспекте дает весомый материал в подкрепление теории об южных истоках олонхо в раннюю эпоху средневековья, когда возникали первые государственные образования тюркских племен. Несомненно среди этих народностей были и те, с которыми предки якутов имели тесные контакты, а также, возможно, существовал какой-то этнос или суперэтнос, где для всех групп был общий язык, реликты которого сохранились в эпосах тюркоязычных народностей Южной Сибири. Идея исследования олонхо и тувинских героических сказаний в сравнительном плане подсказана задачей реконструкции эпического стиля, бытовавшего в эпоху древних этнических контактов. К такому заключению подводит, по утверждению автора, значительная степень соответствий в эпической традиции, проявляемая на разных уровнях: в сюжетно-композиционной структуре, стихотворной основе, художественных средствах, языковом материале и особенностях сказительского искусства.

Ключевые слова: олонхо, эпический язык, лингвистический аспект, тувинские сказания, типология, генетические связи, параллели, мотивы, художественно-изобразительные средства, общность, архаическая лексика.

ГОГОЛЕВА Марина Трофимовна – к. п. н., зав. сектором Эпоса и этнической истории Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: mtgogoleva@mail.ru

GOGOLEVA Marina Trofimovna – Candidate of Pedagogic Sciences, Head of the sector of Epic and the ethnic history, Olonkho Research Institute of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

E-mail: mtgogoleva@mail.ru

Olonkho and Tuvian Heroic Epics

The problem of the genetic links between olonkho and Altai-Sayan heroic legends identification is observed. The quest of the origins of the epic style in the oral poetic traditions of Altai-Sayan peoples seems to be the key link in understanding the genesis of the Yakut olonkho heroic epic. The comparative analysis of the texts of the Turkic-Mongolian epic heritage provides a considerable material in supporting the theory of olonkho southern origins in the time of the early period of the Middle Ages, when the first Turkic tribes state formations took place. There is no doubt that among these peoples were those with which the ancestors of the Yakuts had close contact, and maybe some ethnos or superethnos existed, it's groups had a common language, the relics of which were preserved in the epics of Turkic peoples of the Southern Siberia. The idea of comparative study of olonkho and Tuvian heroic epics arose from the problem of reconstruction of the epic style, which was common in the era of the ancient ethnic contacts. According to the author, the significant degree of correspondence in the epic tradition appeared at different levels: in plot and composition structure, poetic basis, expressive means and peculiarities of the storytelling art, led to such conclusion.

Key words: olonkho, epic language, linguistic aspect, Tuvian legends, typology, genetic links, parallels, motives, expressive means, commonality, archaic lexis.

Введение

Как известно, в своем фундаментальном труде «Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо» И. В. Пуховым были установлены черты типологического и генетического сходств в эпическом стиле олонхо и алтайских, шорских, хакасских эпосах [1]. Исследование по праву считается важным вкладом в фольклористику, имеющим непреходящее значение в сравнительном изучении эпосов. Наш интерес к тувинским героическим сказаниям объясняется задачей приобщения дополнительных материалов к изучению проблемы генезиса олонхо в контексте эпического наследия алтае-саянских народов.

Историко-этнографический анализ текстов тувинского эпоса, предпринятый Л. В. Гребневым, показал продуктивность сочетания подходов филолога, историка и этнографа [2]. С учетом этого методологически оправданным представляется усиление внимания к лингвистическому аспекту, как к наиболее устойчивой и информативной стороне материалов.

Этническая история тувинцев говорит о взаимодействии разных культурно-исторических реалий на протяжении продолжительного периода сосуществования этнических компонентов в составе средневековых тюрко-монгольских государственных образований и китайской империи. Современная точка зрения по этногенезу этого древнего народа, населяющего территории в Центральной Азии, Саяно-Алтайском нагорье, высказана археологом М. Х. Маннай-оолом, и, как утверждает он, «исконное этническое ядро тувинцев составили тюркоязычные племена, жившие в Туве и проникавшие на ее территорию со II в. до н. э. по XII в. н. э.» [3], и тем самым вырисовываются какие-то хронологические рамки в предположении об эпохе возможных этнических контактов якутов и тувинцев. Другое название Тувы «Урянхайский край» также вызывает интерес очевидной близостью с самоназванием создателей олонхо «ураангхай саха». Главный вывод,

сформулированный И. В. Пуховым о генетической общности олонхо и эпосов алтае-саянских народов, ставит задачу дальнейшего сравнительного изучения олонхо с учетом источников, введенных в научный оборот за последнее время, особенно, текстов, которые стали доступными, благодаря изданиям серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Проведенный нами анализ олонхо и тувинского эпоса подтверждает основные выводы И. В. Пухова о характере генетических связей, возможно, обусловленных общими истоками. Вслед за И. В. Пуховым мы попытались выявить параллели в сравниваемых эпосах.

В качестве материалов выбраны: олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, «Строптивый Кулун Куллуштуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова, «Джырыбына Джырылыатта» П. Я. Ядрихинского, тувинские героические сказания «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо и «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная.

По свидетельству С. М. Орус-оол, тувинские героические сказания сходны с эпосами хакасов, алтайцев и шорцев в стадийном и сюжетно-композиционном планах. Центральные темы – героическое сватовство богатыря с выполнением трудных задач хана-тестя и борьба богатыря с чужеземными ханами – характерны для эпической традиции алтае-саянских народов [4]. Тувинский эпос, как и олонхо, считается архаичным, в нем много мифологических мотивов и фантастических элементов, но в целом содержание сюжетов отражает более поздний период общественно-экономических отношений, чем в якутском эпосе. Эпический мир более реалистичен, также приближены к реальности этнографические картины, поступки отдельных персонажей.

Репертуар тувинских сказителей богат и разнообразен, в фольклорном архиве хранятся около 250 записей сказаний, причем отдельные из них имеют многочисленные варианты.

В сравнительном изучении олонхо с тюрко-монгольскими эпосами накопление сведений, отражающих факты консервации элементов эпической традиции и отдельных языковых явлений в эпосах родственных народов, остается актуальным в обосновании генетических связей олонхо, особенно по части определения характера и времени формирования элементов эпического стиля.

Параллели, свидетельствующие о типологической общности в поэтике жанра

Мифологическая основа и специфика историзма.

В олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, каноническом тексте якутского эпоса, три эпических мира предстают в живописнейшем описании:

1. Срединный Мир охватывает 72 поэтические строки, ниже приводим отрывок из традиционной формулы:

Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд,
Обильная щедростью золотой...
Изначальная Мать-Земля... [5, с. 8].

2. Верхний Мир – в 105 строках повествуется о восьмислойном, трехъярусном Верхнем Мире, населенном божествами-айыы и верхними чудовищами-абаасы.

На широком нижнем кругу
Восьмислойных, огненно-белых небес,
На вершине трехъярусных
Светлых небес... [5, с. 8].

3. Описание Нижнего Мира, земли злых абаасы, занимает 166 строк, подобных нижеприведенным:

Бедственный преисподний мир,
Расплескиваясь, как лохань,
Против движения средней земли
Полетел, закружился, гудя,
Охваченный с четырех сторон
Багрово-синим огнем ... [5, с. 11].

Затем следует еще более пространное (в 348 строк) и живописное изображение эпического мира, в котором сосуществуют люди, разные духи, мифологические существа [5]. В композиционном плане повествование ведется так, что развитие сюжетных линий передается на фоне все более детализирующего воссоздания картин эпического мира и мифологических образов. Центральное место в нем занимает прообраз универсальной концепции мира – Мировое Дерево – Аал Лууп. В 166 строках воспевается священное дерево – обитель Хозяйки Земли, дочь Владыки небес Юрюнг Аар Тойона, Дух деревьев и трав Аан Алахчын, Маган Манхалын [5, с. 49-50]. В олонхо П. Я. Ядрихинского – Бэдьээлэ «Джырыбына Джырылыатта» насчитывается 453 поэтических строк, относящихся к описанию Аал Луук Мас [6].

Что касается особенностей историзма сравниваемых эпосов, то историзм архаического эпоса, каковым является олонхо, считается более общим, чем у поздних в стадийном плане тувинских сказаний, поскольку «историзм не может быть вычленен из художественной системы, он является одним из органических качеств» [7, с. 240]. Переводчик и исследователь тувинских героических сказаний Л. В. Гребнев указывает на позднейшие мотивы в сюжете эпоса «Тана-Херель, имеющий коня Даш-Хурена», такие как приезд богатыря в ламский монастырь или игра в шахматы, устраиваемая ханом в числе других традиционных видов состязаний [2].

Типологические сходжения в поэтике героического эпоса олонхо и тувинских героических сказаний, обусловленных свойствами самого жанра, обнаружены в общеизвестных моментах:

– устойчивость основных сюжетных линий. К примеру, борьба богатырей за справедливость на земле и продолжение своего рода, всего людского племени;

– эпическая неторопливость развертывания событий, их предопределенность, заданность типов героев;

– статичность типичных художественно-изобразительных средств: стихотворный размер, формульность языка, фантастичность, гиперболичность как выражение эстетики героизма и т. д.

Сходства, указывающие на возможные общие истоки эпосов

Способы образования ритмико-синтаксического параллелизма

В стиховой организации текстов олонхо и тувинского эпоса особое внимание обращает варьирование количества слогов в эпических тирадах. Стиховедами выделены варьирующие ритмические конструкции. «При анализе взаимосвязи стиховой структуры с ритмом напевов сказаний становится вполне очевидным, что семислоговый стих и восьмислоговая вариация являются в *тоол* нормативным ядром стиховой формы, при этом допускается расширение стиха до десяти-двенадцати и сжатие до шести-четырех слогов» [4, с. 48]. Если в тувинском эпосе говорится об удлинении или стяжении музыкальных времен в зависимости от количества слогов, то еще И. В. Пуховым было подмечено аналогичное варьирование количества слогов в эпическом стиле олонхо [8].

Языковое оформление текстов, схожие приемы передачи эпической образности, конструкция отдельных формульных сочетаний

Тувинский язык, по классификации Н. А. Баскакова, относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков, а по другой классификации – к саянской группе тюркских

языков, то есть довольно близок к якутскому языку, но изолированное развитие привело к тому, что современный якутский язык значительно отличается от других тюркских языков как в плане лексики, так и по морфологии и синтаксису.

Пример зачина:

Эртенгини эртезинде,
Бурунгунун мурнунда,
Сүт-Хөл кара шалбаа,
Сүмбер-Уула сүүр тей турар шагда...
Раньше раннего,
Древнее древнего [времени],
Когда озеро Сют-Холь было черной лужицей,
[А гора] Сумбер-Ула была остроконечным холмиком... [4, с. 22].

Текст в переводе на якутский язык не выглядит чужеродным:

Эрдэтээни эрдэтигэр,
Былыргааны былырыгар,
Үт Күөл хара чалбах,
Сүмбэр Уула чочур томтор эрдэбинэ ...
[пер. на якут. наш. – Г. М.].

Также обнаруживается довольно высокая степень полного или частичного совпадения структуры и семантики слов в эпической строфе:

151-156 Эвилеңнээн-чөвүлөннээн
Оттуг карактыг, оглум,
Кай бар чор сен?
Кайыын келдин?
Узун чоруктуг,
Узак сагыштыг, оглум? - деп... [4, с. 122].
Учтивый, вежливый,
С огоньком в глазах,
Куда ты едешь, сынок? –
Спросил [человек]... [4, с. 123].

Перевод на якутский язык этого отрывка не составляет особых трудностей, так как значение всех слов и конструкция предложений в основе своей родственны.

Эйэбэс-сөбүлэһиик,
Уоттаах харахтаах уолум,
Хайа диэки бардын эн?
Хантан кэллиин?
Уһун суоллаах,
Ыраах сороктууах уоланым ...
[пер. на якут. наш. – Г. М.].

Все же при наличии некоторых подобных соответствий значительная часть текста трудно воспринимается даже представителями близкородственных алтайских этносов:

1710 База-ла
Ямбы диптиң мурнуку, сонгу талазы
Карангы-ла кара дүн-биле
Дүжүп чоруп олуруп-тур эвеспе аан... [4, с. 130].

И опять

На южную и северную стороны Ямбы-дипа
Темная-черная мгла
Опустилась, оказывается... [4, с. 131].

Наиболее часто в тувинском эпосе встречаются сочетания «черная земля», «большое стойбище», «белая юрта», «железные пути», «желтая степь», «синее небо» и т. д. [9, с. 43]. Хотя вышеприведенные примеры и встречаются в олонхо, но для стиля якутского эпоса более характерны пространственные развернутые эпитеты, придающие своеобразие эпическому миру олонхо.

Некоторые мифологические образы также ясно дают понять о наличии общих корней. Например, совпадение имен отцов трех небесных шаманок в олонхо И. Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивный Кулун Куллустуур» и тувинском эпосе «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо не может быть просто отнесено к случайности:

1735 Владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон,
Окинув их взором, сказал:
«Дочь Ый Тойона,
Ытык Ылбальдын-шаманка!
Дочь Кюн Тойона,
Кюёгель Нухал-шаманка!» [10, с. 323]

В другом месте этого же олонхо говорится о семи небесных шаманках, это дочери Солнца, Месяца и других небесных объектов: Юргэл (созвездие Плеяды), Чолбон (планета), Арангас сулус (созвездие Большой Медведицы), также дочери мифических Божеств Орла и Кэнэн Айыы [10, с. 320].

В тувинском эпосе «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная присутствует мотив оживления мужа-богатыря небесными женщинами-дочерьми *Хюн-хана*, *Ай-хана* и *Дэр-хана* (дочери Солнца, Месяца и Неба) – [4, с. 431]. Видимо это очень древний мотив, так как в якутской народной сказке «Ючюгяй Юедюйээн и Кусаган Ходьугур» точно таким же образом дочери Солнца, Месяца и Юргэлэ проводят обряд оживления Ючюгяй Юедюйээнэ, женами которого они являются.

Выделение сходных этнографических деталей

2395 На противоположной стороне Столбовой
Горы,
Имеющей письмена, -
Эти писаря властного Рока
Раскрыли небесную книгу судеб... [10, с. 338].

Книга судеб, так называемая книга Судур, постоянно присутствует в сюжете алтае-саянского эпоса. Происхождением своим она обязана книге *Сутра* в ламаистской традиции. В олонхо небесная книга судеб – это архив, имеющий разные формы.

Более подробно об этом можно ознакомиться в статье М. Т. Гоголевой и Р. Н. Анисимова [11].

Коновязь в якутской культуре до сих пор имеет особое культовое значение, близкое бурято-монгольскому символу домашнего очага, который обозначается одним и тем же словом *сэргэ*, но обладает свойственными якутскому быту чертами. Образ коновязи сформировался под влиянием традиционных верований народа, идущих с древнейших времен, и потому так выразительны изображения мифических существ на верхушке эпического столба, например, в этом отрывке из олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур»:

1672 Оглянулся он назад –
Стоит он, оказывается, привалась
К подножию переднего столба коновязи,
Украшенного резным соколом,
Окрашенного львиной кровью,
С изображением ёксёкю-птицы,
С бар-зверем на верхушке [10, с. 322].

Коновязь у тувинцев, судя по текстам сказаний, относится к сакральным атрибутам быта, об этом свидетельствуют ее девятигранная форма и эпитет *алдын-золотой*, хотя описания, относящиеся к коновязи-баглааш скудны, немногословны:

2193 *Демир аьтты*
Алдын чигжир баглаашта [4, с. 152]
Железный конь
[С поводом] вокруг коновязи из чистого золота...
[4, с. 153].

Борьба богатырей изображена схожими средствами как в тувинском эпосе, так и в олонхо. В эпосе «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная находим строки:

1530 Бугалаштыр хыйыртап көөрге,
Удур хыйыртааш,
Соора-саара шелгилежип чоруй,
Кап-шак сегиржип алгаш,
Үш айның тозан хонук доктаал чок
Бөөлдежип, тырыкылдажып келирде... [4, с. 366].
Как быки, глядят исподлобья –
Друг на друга глядят исподлобья,
Так и эдак ухватят, дернут друг друга –
И вот “кап-шак!” – схватились.
Девяносто дней – три месяца – без перерыва
Вертят, крутят друг друга... [4, с. 367].

Сходство приемов изображения поединка обнаруживается в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и «Строптивный Кулун Куллустуур» в гиперболическом отсчете времени, использовании парных сочетаний, сравнении богатырей с быками и др.

Медлить больше не стали они,
Друг против друга встали они.
Рогатины боевые подняв,

Будто рогами друг друга разя,
Сшибаются два быка ...
Истоптали
Талую землю они,
Искрошили
Мерзлую землю они... [5, с. 40].
4032 С криками, воплями стали [друг друга]
перекидывать,
С гиканьем, ревом стали [друг друга] подбрасывать.
Как с кобылою конь, бились они
Тридцать дней и ночей одного месяца,
Шестьдесят дней и ночей двух месяцев,
Девяносто дней и ночей трех месяцев,
Сто двадцать дней и ночей четырех месяцев,
Сто пятьдесят дней и ночей пяти месяцев...
[10, с. 374].

Схожие мотивы в сюжетах эпоса «Хунан-Хара» и якутского олонхо

Тувинские героические сказания были созданы и получили свое развитие на основе иной реальности, чем олонхо, и по своей художественной системе и бытованию в корне отличаются от якутского эпоса. Тем интереснее кажутся параллели в тувинском сказании и якутском эпосе.

Архаический пласт лексики

Несмотря на отдаленность эпохи возможных контактов, в тувинском и якутском эпических памятниках сохранилось немало эпических формул и отдельных слов, конструкция и смысловое наполнение которых наводят на мысль об их близком родстве.

Тув.:	Як.:
1399Аңдан артык	Кыылтан ордук
Аң-даа турар,	Кыыл буолар,
Кижиден артык	Киһиттэн ордук
Кижиде-даа турар чүмө болгай	Киһи буолар.
[4, с. 116].	[пер. на якут. наш. – Г. М.].

Зверя	
Зверь превзойдет,	
Человека же	
Человек превзойдет [4, с. 117].	

Тув.:	Як.:
3175 Узун-Назын даңгына-биле	Узун-Назын-дангына
Хунан-Кара	Хунан-Кара буоланнар
Ашакты оң солагай	Аһаабы [кырдыаҕаһы]
	уна, солоҕой [ханас]
Холындан туткаштың,	Холуттан тутаннар,
Тос каът хаалгалыг	Тоҕус хат [хос]
	халҕаннаах,
Шил бажыңның	Түннүктээх дьиз
Иштидиве киире бергештин	Иһигэр киллэрдилэр...
[4, с. 194].	[пер. на якут. наш. – Г. М.].

Узн-Назын дангына
И Хунан-Кара,
За левую и правую руки

Таблица

Выявленные параллели в традиционных местах тувинского и якутского эпосов

Эпос «Хунан-Хара»	Олонхо
<p>1. Архаический мотив чудесного рождения У престарелых родителей родился <i>железный сын</i> – будущий богатырь: 265 Белин көөрге, Видно его туловище - Шой-биле бүткен, Сплошь чугунное Хөрээн көөрге, Посмотришь на грудь - Каң-биле бүткен.. . Весь из стали... [4, с. 66].</p> <p>2. Быстрый рост богатыря: 380 Бир хонгаш Бир харлыг мен – деп. Ижи хонгаш Ижи харлыг мен – деп ... [4, с. 70]. Одни сутки прошли: “Год мне!” – говорит. Двое суток прошло: “Два года мне!” – говорит.</p> <p>3. Воспитывают богатыря две прислужницы-шивишкин. 378 Ижи шивишкин кадайга Азырадыр силер – [4, с. 70] Двум шивишкин Велели вскармивать малыша – [4, с. 71].</p> <p>4. Наречение именем – важный эпизод в сюжете 1340 Ашак-даа тургаш, Аьтын, бодун Үш долгандыр Шиншип көрүп-көрүп туруп-тур. «Оок, мен-не болзумза, уругларым, Арзылаң-Кара аттыг Хунан-Кара-моге дизе Кандыгыл, мооңар?» - деп... [4, с. 114]. Старик поднялся, Коня и самого [мальчика] Трижды кругом обошел, Внимательно осмотрел. «Я бы, дети мои, Назвал его Хунан-Кара-моге, Имеющий Арзылан-Кара»... [4, с. 115].</p> <p>5. Гибель природы вследствие борьбы богатырей Шөл черге баарга, Даг апаар, Даг черге кээрге, Шөп бооп-даа, Огру чаагай Оанга кээрге, Дөң дөстөк кылдыр... [4, с. 218].</p>	<p>1. Архаический мотив чудесного рождения В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» богатырь Юрюнг Уолан выручает из погибельной глубины <i>железного человека</i>: Видит - кованый, звонкий пред ним, Как трехзубая острога, Адбарай железный стоит, Раскатисто говорит... [5, с. 150]</p> <p>2. Быстрый рост богатыря: 1474 Бу оџолоро үс хонон Үстээх оџо саџа Өнөрсүйэн үүннүлэр, Биэс хонон Биэстээх оџо саџа Бэччийэн бардылар... Дети эти На третий день Как трехлетние стали, На пятый день Как пятилетние Довольно окрепли [6, с. 89]</p> <p>3. Старуха Симэхсин – постоянный комический персонаж в олонхо, умеет предсказывать Старуха древняя Симэхсин Тревогу великую подняла [5, с. 296].</p> <p>4. В олонхо уделяется большое внимание воспитанию богатыря, его наречению, снаряжению. Его имя часто состоит из двух элементов, один из которых – имя коня. 1455 Албан-дьяаһах аата Араџас манан халлаантан Илэ-бодо айыллан түспүт Тыллаах-өстөөх, Дыллыа манан аттаах Дьырыбына Дьырылыатта буоллун... [6, с. 88]. Имя ее славное – С желто-белого неба Наяву спущенным, Словами говорящим С молочно-белым конем Джырыбына Джырылыатта будет, решили [6, с. 89].</p> <p>5. Гибель природы вследствие борьбы богатырей 4246 Тон дьулуу мууһу Тобуктарын хараџар дылы Тобулу нуоралаатылар, Чэннээх сири</p>

<p>Попадут в край степной – Он горным становится, Попадут в край горный – Степным становится, А попадут В край равнинный привольный – Так истопчут его, оказывается, Что в кочках-буграх [он] становится...</p>	<p>Дьилбэхтэригэр дылы Дэлбэритэ лээбилээтилэр... [6, с. 232]. Лед замерзший По чашки коленные Сплошь проломили, Землю обледеневшую По ляжки толстые В кусочки разложили...</p>
<p>[4, с. 219].</p>	<p>[6, с. 233].</p>
<p>6. Говорящий конь-помощник 1125 Оон кара кулун Тура дужүп-даа турган иргин ийин. Хайыралдыг эки ээ Бооп-шыдаар-дыр» деп Тура дүшкен иргин ийин...</p>	<p>6. Говорящий конь-помощник В 160 строках песенного монолога мотыльково-белый скакун, конь Юрюнг Уолана, предостерегает своего всадника о грозящей опасности</p>
<p>[4, с. 104].</p>	<p>[5, с. 140-141].</p>
<p>Затем черный его жеребенок Вдруг стал. «Хорошим любимым хозяином Ты сможешь мне быть!» - Став, сказал... [4, с. 105].</p>	<p>7. Борьба с чудовищами из Нижнего мира Борьба богатырей олонхо с многочисленными абаасы-чудовищами. Борьба Нюргун Боотура с Уот Усутаакы – главный подвиг богатыря [5].</p>
<p>7. Борьба с чудовищами Шулбунуң көгү-сүнези Чок кылдыр... [4, С. 292]. 5359 Корень Шулбу Весь истребил, В ничто превратил ... [4, с. 293]. Чудовище шулбу</p>	<p>8. Победа над злом. Всеобщий пир 8205 Уйгулаах түһүлгэ Уџараан көрбөтө, Барџа малааһын Баранары билбэтэ... [6, с. 434]. Пиру щедрому – Конца не видно, Тюсюлгэ богатому – Завершения не заметно...</p>
<p>[4, с. 105].</p>	<p>[6, с. 435].</p>
<p>8. Разрешение конфликта в сторону победы над злыми силами. Великий пир 5434 Улуг найыр-курумну Тос хонуктуң иштинде үргүлчүлөп...</p>	<p>[6, с. 435].</p>
<p>[4, с. 296]. Великое празднество-пир Девять суток продолжалось, оказывается.... [4, с. 297].</p>	<p>[4, с. 296].</p>

Поддерживая старика,
Ввели его внутрь
Дома с окнами,
С девятью дверьми... [4, с. 195].
В первом случае тувинская пословица идентична якутской. Во втором тексте интерес вызывают: лексема “солоџой” в оймьяконском диалекте – *необстоятельный, бедный, рассеянный* [12, с. 2270], а по полевым материалам автора данной статьи в Вилюйском улусе употребляется в значении *неподходящий, грубый*, например, говорится *солоџой ириэриши буолла (когда не по сезону сильно тает снег)* что более соответствует значению тувинского

слова *солагай*; также “аһаах” – *хилый*, “халџан” – *дверь* – которые относятся к пассивной лексике. Так, хотя фонетический облик тувинского языка сильно отличается от якутского, вероятность ситуации, когда утраченные в якутском языке значения слов можно восстановить, ориентируясь по семантике аналогичных выражений и лексем из тувинского эпоса, не исключается.

К примеру, вилюйские якуты, когда одобряют, жалеют и хотят поддержать, говорят «Сыа-ан!», что напоминает «Шьяан!» – возглас одобрения в тувинской сказительской традиции [4, с. 17]. В тувинском эпосе «Хунан-Кара» старик говорит герою:

4449 Малдың кырында К его скоту
Мал немешкен... Скот прибавился [4, с. 253].

Малын кырытыгар [үрдүгэр]
Мал эбилиннэ [пер. на якут. наш. – Г. М.].

В олонхо только в единичных случаях слово *мал* употребляется в значении *скот*, а в современном якутском языке оно означает *имущество, вещь*. Глагол *немешкен*, субстантивируясь, тоже мог сохранить свое былое значение, хотя бы на бытовом уровне. Обращение к ономастике якутского языка дает интересные факты: выясняется, что в Нюрбинском районе Якутии есть озеро Ньимискэн-нээх (ньимискэн-лээх), название которого указывает на главный признак озера – *с прибывающей водой*. Другой пример:

4460 Бөртүг бажым Голову мою в шапке
Бөргү-биле алып... Вместе с шапкой снесут...
Бэргэһэлээх баспын [4, с. 253].
Бэргэһэлиин ылыхатара [пер. на якут. наш. – Г. М.].
[быһыхатара]

Общетюркская основа *бөрк* – шапка в якутском языке при помощи малопродуктивного форманта – *эһэ* –, следуя закону сингармонизма, образовала современное слово – *бэргэһэ*, хотя как антропоним сохранилось и другое слово с похожей семантикой. В Вилюйском районе Якутии в 1968 г. информатор А. Г. Каратаев (1928 г. р.) круглые стога сена называл *шапками-бөргөлөй*, причем не мог объяснить значение второго компонента выражения, ограничиваясь пояснением «так называется истари круглая шапка». Слово, образованное от основы *бөрк* и аффикса – *лөй*, может быть уточняющим вариантом названия. Как и в любом языке, семантическое поле лексем в процессе функционирования подвергается изменениям. Эпитеты, передающие размеры, свойства, качество предметов и характеристики людей: *бедик* – высокий, *эки* – хороший в якутском языке не имеют то же самое значение, что и в тувинском. Тув. *бедик* – монг. *бэдик* – *грубый, низкий, неловкий*, як. *бэдик* – *шаловливое дитя* [12, с. 420]; тув. *эки* – *хороший* – як. *Экин Абаҕан* – встречается только в составе антропонима (в словаре Э. К. Пекарского проведена параллель с древнетюркским словом *Эркин* – *бок, сторона, стена* и т. д.) [12, с. 237, 304]; тув. *Шоодай-мешок* – як. *суодай* – *соботох харахтаах соһо былгыт суодайа собуруу уола (одноглазый верзила, красного (охряного) облака сын) – о большом, взрослом человеке: представлять высокую, неуклюжую и смешную фигуру в коротком платье* [13, с. 2339].

И еще одна эпическая традиция кажется общей для якутов и тувинцев. По мнению З. Б. Самдан, у всех этих народов – тюркоязычных тувинцев, алтайцев, хакасов, шорцев и монгольских бурят, монголов – существует вера в духа-хозяина

сказки [14]. Якутский олонхосут также верил в особое сверхъестественное начало своего искусства, которое особенно сильно проявляется в момент исполнения, поэтому после того, как завершал сказывать, он пел отвлекающую песню – *кутурук салайар ырыа*. Об этом хорошо известно в Вилюйской эпической традиции, неукоснительно соблюдаемой олонхосутами региона, но в данном аспекте сказительство еще недостаточно освещено в отечественной фольклористике.

Заключение

В рассмотренных нами эпосах обнаружены факты, свидетельствующие о наличии типологических и генетических связей между якутским героическим эпосом олонхо и тувинскими героическими сказаниями. Это проявляется не только в схожести эпических мотивов, но и в значительном уровне совпадений в использовании художественно-образительных формул, имен героев, художественных деталей.

Этнографический информант сравниваемых текстов имеет весьма схожие моменты, особенно, когда речь идет о мифологических истоках эпических сюжетов.

Генетические связи проявляются на разных уровнях воплощения эпической традиции: сюжетно-композиционной структуре, стихотворной основе, художественных средствах, языковом материале и особенностях сказительского искусства.

В архаическом пласте языка олонхо и тувинских героических сказаний сохранились общие черты, отдельные элементы, характерные для эпической стилистики народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Лингвистический аспект исследований может существенно расширить поле для дальнейших работ по изучению раннего этапа тюркской эпической традиции.

Литература

1. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. Подготовка, послесл. и коммент. В. М. Никифорова; Ин-т гуманитар. исследований АН РС (Я). – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. фил., 2004. – 328 с.
2. Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. – М.: Вост. лит., 1960. – 145 с.
3. Анайбан З. В., Маннай-оол, М. Х. Происхождение тувинцев. История вопроса / З. В. Анайбан, М. Х. Маннай-оол. – Режим доступа: www.tuva.asia/journal/issue_19/6487-anayban-mannayool.html
4. Тувинские героические сказания: Хунан-Кара, Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей / Составление, вступ. ст., подгот. текстов, подстрочный перевод, комментарии и словари С.М. Орус-оол. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие

РАН, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.12).

5. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо / П. А. Ойунский. — Якутск: Кн. Изд-во, 1975. – 432 с.

6. Ядрихинский П. П. – Бэдьээлэ. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. – Якутск: Сайдам, 2011. – 448 с.

7. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – М.: Наука, 1976. – 244 с.

8. Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975. – С.12-62. – С. 47, 48.

9. Байсклан С. М. Поэтика тувинского героического эпоса. – Кызыл: Тув. Изд-во, 1987. – 72 с.

10. Строптивый Кулун Куллустуур: якутское олонхо // Эпос народов СССР. – М.: Наука, 1985. – 608 с.

11. Гоголева М. Т. Сведения о письменах в якутском героическом эпосе олонхо / М. Т. Гоголева, Р. Н. Анисимов // Казанская наука. – 2013. №11. – С. 214-219; 0, 8 п. л.

12. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Т. I. Вып. 1-4. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – (1-1279).

13. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Т. II. Вып. 5-9. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – (1280-2508).

14. Самдан З. Б. Избранные научные труды: Тувинская словесность: миф, сказка, литература. Научное издание. – Абакан: ООО «Журналист», 2011. – 291 с.

References

1. Pukhov I. V. Geroicheskiy jepos altae-sajanskih narodov i jakutskie olonkho / I. V. Puhov; [redkol.: V. N. Ivanov (otv. red.) i dr.; Podgotovka, poslesl. i komment. V. M. Nikiforova; In-t gumanit. issledovanij AN RS (Ja)]. – Jakutsk: Izd-vo SO RAN. Jakut. fil., 2004. – 328 s.

2. Grebnev L. V. Tuvinskiy geroicheskiy jepos: opyt istoriko-jetnograficheskogo analiza / L. V. Grebnev. – M.: Vost. lit., 1960. – 145 s.

3. Anajban Z. V., Mannaj-ool, M. H. Proishozhdenie tuvincev. Istorija voprosa / Z. V. Anajban, M. H. Mannaj-ool. – Rezhim dostupa: www.tuva.asia/journal/issue_19/6487-anayban-mannayool.html

4. Tuvinskie geroicheskie skazaniya: Hunan-Kara, Boktug-Kirish, Bora-Shjelej / Sostavlenie, vstup. st., podgot. tekstov, podstrochnyj perevod, kommentarii i slovarei S.M. Orus-ool. - Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe predpriyatje RAN, 1997. – 479 s. – (Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T.12).

5. Njurgun Bootur Stremitel'nyj. Jakutskij geroicheskiy jepos olonho / P. A. Ojunskiy. – Jakutsk: Kn. Izd-vo, 1975. – 432 s.

6. Jadrinskiy P. P. – Bjed'jelejje. Devushka-bogaty'r Dzhirybyna Dzhirylyatta / P. P. Jadrinskiy – Bjed'jelejje. – Jakutsk: Sajdam, 2011. – 448 s.

7. Putilov B. N. Metodologija sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora / B. N. Putilov. – M.: Nauka, 1976. – 244 s.

8. Puhov I. V. Geroicheskiy jepos tjurko-mongol'skih narodov Sibiri: obshhnost', shodstva, razlichija // Tipologija narodnogo jeposa / I.V. Puhov. – M.: Nauka, 1975. – S. 12-62. – S. 47, 48.

9. Bajsklan S. M. Pojetika tuvinskogo geroicheskogo jeposa. – Kyzyl: Tuv. Izd-vo, 1987. – 72 s.

10. Stroptivyj Kulun Kullustuur: jakutskoe olonho // Jepos narodov SSSR. – M.: Nauka, 1985. – 608 s.

11. Gogoleva M. T. Svedeniya o pis'menah v jakutskom geroicheskom jepose olonho / M. T. Gogoleva, R. N. Anisimov // Kazanskaja nauka. – 2013. № 11. – S. 214-219 ; 0, 8 p. l.

12. Pekarskiy Je. K. Slovar' jakutskogo jazyka / Je.K. Pekarskiy. – T.I. Vyp. 1-4. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1958. – (1-1279).

13. Pekarskiy Je. K. Slovar' jakutskogo jazyka / Je. K. Pekarskiy. – T.II. Vyp. 5-9. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1959. – (1280-2508).

14. Samdan Z. B. Izbrannye nauchnye trudy : Tuvinskaja slovesnost' : mif, skazka, literatura. Nauchnoe izdanie / Z. B. Samdan. – Abakan : ООО «Zhurnalist», 2011. – 291 s.

